

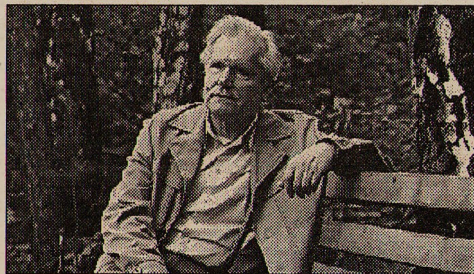
Салынский Афанасий 27.8.95.

Моек. Новоег. - 1995. - 2 Чав. - Зееж. - С. 19.

ЮБИЛЕЙ

Заложник мечты

9 сентября 1995 года
Афанасию Салынскому
исполнилось бы 75 лет.



«Запомните нас веселыми...» – эту фразу из его пьесы «Барабанщица» часто повторяют те люди, которые не читали пьесы, не видели блистательного спектакля Центрального театра Советской Армии и сотен других спектаклей, «пожаром» шедших по всей стране.

Но самого Афанасия Салынского, рядом с которым работал почти двадцать лет в редакции журнала «Театр», где он был главным редактором, потом членом редколлегии, потом опять главным редактором, запомнил прежде всего озабоченным, внутренне напряженным. В нем постоянно происходила какая-то подспудная работа, он постоянно остерегался сделать неверный шаг и попасть в неверный тон. Салынский был рожден и сформирован советским временем, но внутренне вел непрерывный жесткий диалог с ним. У него была мечта о прекрасном и гармоничном бытии – эта мечта воплотилась в самых трагических его пьесах, у которых была трудная судьба на сцене: в «Летних прогулках», на долгие годы запрещенных к постановке после спектакля Леонида Хейфеца в Малом театре, в «Молве», шедшей достаточно широко, но, на мой взгляд, театрами во всем ее объеме и публично не понятой (Салынский написал на рубеже 70–80-х о трагедии революции, в театрах же чаще всего играли нечто историко-революционное).

Но мечта неизменно сталкивалась с суро-

вой прозой жизни. Он всегда находился в ситуации выбора, а не только в те мгновения своей биографии, которые уже описаны историками: Салынский выступал в защиту молодых поэтов-пятидесятников, которым грозило отлучение от Литинститута, и спас тем самым героев нашей литературы 60-х годов, он голосовал – один против всех – на печальном знаменитом собрании писателей, предавших позору Александра Солженицына, он отказался участвовать в травле Андрея Синявского и Юлия Даниэля... И дело было не в том, что Салынский по природе своей был адвокатом (он так определил себя во время съемок фильма о Синявском и Даниэле, который мы делили с режиссером Еленой Шаталиной).

Просто он всегда серьезно относился к жизни. К тому, что делал он сам. К тому, что делали вокруг него. В нем не было «советского цинизма», который разедал каждого, достигшего начального положения в Союзе писателей СССР, – это была своего рода неприменная плата за место в президиуме. Он хотел быть честным в жизни, которая требовала, чтобы кривили душой.

Мне бы хотелось запомнить его веселым...

Михаил ШВЫДКОЙ